

ОТГОЛОСКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ...

Статья посвящена песням, записанным в концентрационных лагерях кайзеровской Германии, в которых содержались военнопленные российской царской армии, в том числе и представители народа мари. Исследование проводилось в фонотеке Университета им. Гумбольдта (Берлин).

Ключевые слова: концлагерь, песни, мари, фонотека университета.

Казалось бы, чем дальше мы отдаляемся от судьбоносных для нас, для страны в целом, событий, тем они более становятся недостижимыми для понимания новыми поколениями, становятся «достоинством» истории, материалами более всего для историков и краеведов.

Но, с другой стороны – и это уж совершенно парадоксально! – случаются и неожиданные всплески в нашем сознании: мы, обыкновенные, простые смертные, начинаем осознавать значимость многих явлений, на которые раньше, возможно, и не обращали такого пристального внимания.

Вторая мировая война, которая для нас, россиян, всегда была и будет Великой Отечественной, не стерта из памяти многих поколений (чего лукавить: есть, были и будут, безусловно, и такие, которым эта война – очередной исторический конфликт двух стран). Она для нас такая же судьбоносная, как и Отечественная война 1812 года. Не зря же мы называем их *Отечественными*...

Безусловно, на фоне этих двух Отечественных (особенно Второй) Первая мировая война становится (да простят меня мои читатели за возможную некорректность сравнения!) менее впечатлительной и масштабной по кровополитиям и зверствам (хотя война – она и есть война!). Это мы позволим себе аргументировать хотя бы сравнением условий содержания военнопленных в концентрационных лагерях двух мировых войн.

Как известно, концентрационные лагеря предназначены для содержания в них военнопленных, а сама цель пленения – изоляция солдат, плененных воюющими сторонами, и исключение их от ведения военных действий против них. А что было в лагерях двух мировых войн? Если в годы Первой мировой – это было действительно пленением-изоляцией, то лагеря другой войны – это место для физического уничтожения солдат противника!

Так, глава II Женевской Конвенции 1907 года, полностью посвященная этому вопросу, озаглавлена «О военнопленных». Читаем: «...С ними [военнопленными – О. Г.] надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью». Или «Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы». «Государство может привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями... Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям». Что еще более шокирует: «Военнопленным может быть разрешено работать

на государственные установления, за счет частных лиц или лично от себя», «Работы... оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии, за исполнение тех же работ...», «Заработок пленных... выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию» и «По заключении мира отсылка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок».

Невероятно, но эти статьи «работали» в лагерях Первой мировой! И это не пустые слова. Об этом пишут и говорили в своих воспоминаниях многие вернувшиеся (возможно, это и не было абсолютом, но...). Так, уроженцам марийского края, побывавшим в плену Первой мировой войны, Лариону и Егору Даниловым (как и многим другим) было разрешено носить свою военную форму (фуражку с кокардой, к примеру), ходить при своих часах – правда, с номером военнопленного на рукаве куртки, о чем свидетельствует фотография Лариона тех лет и событий.

Жизнь, наша совесть, чувство гражданского достоинства настойчиво требуют правдивой информации о случившемся в ушедших от нас веках, воскрешения имен достойных прадедов наших, дедов, отцов и сынов Отечества... Побуждают искать...

Мы ищем...

Что чувствует каждый из нас, когда вдруг ему улыбнулось счастье найти нечто доселе неизвестное? Думается, это чувство необыкновенной радости по поводу вновь им открытого и найденного, известно многим – историкам, археологам, лингвистам...

Нечто подобное испытал и автор этой статьи, когда ему удалось ознакомиться с рукописью Н. И. Суворова из архива *Suomalais Ugrilainen Seura* (Финно-угорского общества), куда сотрудник Казанской учительской семинарии отсылал записанные им в 1902–1904 годах от учащихся-мари народные песни. Всего в этой коллекции оказалось 343 образца напевов (с текстами и без оных) горных, восточных и луговых мари. При финансовой поддержке финских коллег нам удалось в кратчайшие сроки опубликовать эти неизвестные доселе образцы народно-песенного творчества, отголоски песенной культуры мари конца XIX – начала XX столетий [1]. Уникальность содержащихся в книге образцов, прекрасное дизайнерское решение издания позволили ему по праву выиграть главный приз на республиканском конкурсе «Книга года–2006».

Всем казалось, что эта находка – последний и приятный «сюрприз» для фольклористов, исполнителей, композиторов...

Но, оказалось, ставить точку над «i» еще рановато.

Мало кто обратил внимание на несколько строк статьи К. Четкарева «Песни мари», предваряющей монографию «Марий калык муро» [2]: «...Несколько отличается по своему содержанию сборник текстов Э. Леви, записывавшего марийские песни и сказки от военнопленных в 1916–1917 годах. Он издал свой сборник в Ганновере в 1926 г. под заглавием «Черемисские тексты»... В него вошли 60 различных фольклорных текстов, в том числе и 13 песен [выделено нами – О. Г.]»¹. Последняя фраза, видимо, как-то «проскочила» мимо взора и внимания спе-

¹ Марий калык муро... С. 17. К. Четкарев дает ссылку на источник издания: *Ernst Levy. Tscheremissische Texte. 1–2, Hannover, 1926.*

циалистов. Но если бы даже кто и обратил на нее свое внимание, то это мало бы что изменило, ибо она могла означать просто песенные тексты, на что указывает и само заглавие книги Э. Лэви (так и было воспринято написанное большинством читавших это предисловие).

Какое же было наше удивление, когда наши немецкие коллеги почти случайно обмолвились об увиденных ими в фонограммархивах Берлина восковых валиках с записями марийских народных песен! Первоначальная наша реакция – не поверили. Высказали предположение, что это наверняка копии записей Р. Лаха (1874–1958), который, как известно, по поручению Венской академии наук в 1916–1917 годах в лагере военнопленных Харт (близ Вены) и интернированных лиц (в Будапеште) также осуществил слуховые и фонографические записи (на восковые валики) напевов народных песен от военнопленных царской армии, в числе которых были и солдаты-мари, а затем и опубликовал их отдельным изданием¹.

Предпринятые нами поездки в Берлин не оставили сомнения в том, что перед нами – действительно записи, осуществленные в немецких лагерях в 1915–1918 годах.

Марийская коллекция берлинских архивов насчитывает 74 единицы восковых валиков, из которых 60 отведены записям сказок, пословиц, поговорок, произношениям марийских слов – названий дней недели, года, счета и т. д., а на 14 валиках записаны образцы народных напевов. Таким образом, «музыкальная часть» этой уникальной коллекции насчитывает 11 образцов напевов.

Поражает скрупулезность заполнения формуляров, индивидуальных (именных) карточек на каждый фиксируемый образец фольклорного материала (не случайно немцы всегда отличались своей дотошностью, педантизмом во всем!).

Персональные листки (Personal Bogen), кроме традиционных и обязательных указаний места, времени записи, имени и возраста информатора, содержат довольно интересные (а порой и весьма немаловажные) сведения. Так, на одном из таких листков записано, что информатор Абдуллай Вакитов (латиницей указано Abdallaj) во время одной из записей был простужен, и потому его голос был сиплым (*heiser*), к тому же и место записи, как мы читаем (а это был читальный зал), было холодным.

Для организаторов этой необычной экспедиции (а в записи принимали участие Э. Леви, В. Доэген, Якобсон, Ланэ) было важно все: место рождения информатора и его родителей, где проживал информатор до 6, с 7 до 20 лет (что весьма важно для уточнения усвоения им не только материнского языка, но и всей окружающей его культуры). Не упущены и такие биографические «детали» информатора, как умение читать и писать (то есть его образовательный уровень). Более того, в «деле» информаторов сохранились оригиналы их почерков, свидетельствующих о состоянии знания информаторами основ правописания на родном языке:

---

¹ Gesänge russischer Kriegsgefangener. I. Band: Finnisch-Ugrische Völker. 3. Abteilung: tschermissische Gesänge = Песни русских военнопленных. I т.: Финно-угорские народы. Ч. 3: Черемисские песни. Wien, 1929. Нами подготовлен к переизданию и этот том. В книге тексты приведены в норму современного марийского языка, ибо в оригинале они даны в транскрипции латиницей, что, безусловно, усложняло чтение и их восприятие.

Почерк А. Вакитова:

*Мй кайшымь олаш ужалышымь.
Кум те%окелань тушто нальмь аракамь.
Мй кайшымь ыдрончаш...»*

«Мй кайшымь олаш ужалышымь.
Кум те%окелань тушто нальмь аракамь.
Мй кайшымь ыдрончаш...».

Организаторы не упустили отметить также и сведения о вероисповедании и профессии информаторов, их владение языками. Интересен такой факт: один из информаторов, Күти Муликбаев (1883 года рождения) из деревни Бугалыш (ныне Красноуфимского района Свердловской области) исполнил одну и ту же песню на трех языках – марийском, татарском и удмуртском (причем, как отметили специалисты по последним двум языкам, тексты песен переданы безупречно, не говоря уже об интонационно прекрасном исполнении напевов). Почти все информаторы, будь то из восточных мари, луговых или горных (а в коллекции представлены записи всех этих групп), указали в анкетах знание ими двух-трех языков. Это, безусловно, опровергает укоренившееся представление о забитости, «дремучем» невежестве, безграмотности и т. д. наших предков.

Приведем один из «персональных листков» из архивных записей:

PERSONAL-BOGEN

Lautliche Aufnahme Nr: P.K. 10

Kriegsgefangenenlager: Döberitz

Datum: 29.XII.1915 / 30.XII.1915

Zeitangabe: 1/4 Uhr nachm.

Dauer der Aufnahme: 2½ Min.

Durchmesser der Platte: 27 cm.

Raum der Aufnahme:

Lesesaal – (Maschinenraum kalt)

Art der Aufnahme: (Sprechaufnahme, Gesangsaufnahme,
Choraufnahme, Instrumentenaufnahme, Orchesteraufnahme):

Gesangsaufnahme
(Volkslied)

Tscheremissisch

Nahme (in der Muttersprache geschrieben):

Абдуллай Вакутов

Nahme (lateinisch geschrieben):

Vakitov

Vorname:

Abdallaj

Wann geboren (oder ungefähres Alter)?

33 Jahre alt

Wo geboren (Heimat)?

Dorf Norkino

Welche größere Stadt liegt in der Nähe des Geburtsortes?

Sarapul (60 Werst entfernt)

Kanton – Kreis (Ujezd)

Birsk

**Departament – Gouvernement (Gubernija) –
Grafschaft (County):**

Ufa

Wo gelebt in den ersten 6 Jahren?

Dorf Norkino

Wo gelebt vom 7. bis 20. Lebensjahr?

Dorf Norkino

Was für Schulbildung?

Kirchenschule

(церковно-приходская школа)

vom 8.–10. Lebensjahr (3 Jahre)

Wo die Schule besucht

Dorf Norkino

Wo gelebt vom 20. Lebensjahr?	<i>Dorf Norkino</i>
Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt der Vater?	<i>Dorf Norkino</i>
Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt die Mutter?	<i>Dorf Urja (25 Werst v. N. entfernt)</i>
Welchem Volksstamm angehörig?	<i>Tscheremisse</i>
Welche Sprache als Muttersprache?	<i>tscheremissisch</i>
Welche Sprachen spricht er außerdem?	<i>russisch, tatarisch</i>
Kann er lesen? ja Welche Sprachen?	<i>russisch, tscheremissisch (etwas russisch)</i>
Kann er schreiben ja Welche Sprachen?	<i>russisch, tscheremissisch Drucksuchstaben</i>
Spielt er ein im Lager vorhandenes Instrument aus der Heimat?	<i>nein</i>
Singt oder spielt er modern europäische Musikweisen?	<i>nein</i>
Religion: "avramski" Heide Beruf <i>(язычник)</i>	<i>Ackerbauer</i>
Vorgeschlagen von:	<i>1. Lane 2. Wilh, Doegen</i>
Beschaffenheit der Stimme:	<ul style="list-style-type: none"> 1. Urteil des Fachmannes: <i>Der Sänger war heiser (erkältet). Beim dritten Liede hat er sich versprochen (im Anfang). Sonst – genügend. gez.: Lane</i> 2. Urteil des Kommissars: <i>genügend gez.: Wilh. Doegen</i>

Кроме указанных Personal Bogen'ов, каждый информатор имел свою страницу *особых отметок* (Besondere Bemerkungen), на которых дана общая характеристика информатора, а также содержатся результаты бесед с ним и т. д., то есть то, что невозможно было отразить в скупых пунктах строгого Personal Bogen.

Так, на листке А. Вакитова одним из корреспондентов, Ланэ (Lane), записано (*перевод с немецкого – наш*):

1. A. Vakitov ist Gemeiner des 49. sten sibirischen Schützenregiments (11. ste Kompanie). In Döberitz ist er in der Baracke 3 untergebracht. 2. V. gehört zu den sog. Wiesentscheremissen und steht in nahen Beziehungen zu den Teptjaren (Baschkiren). Die von ihm gesprochene Mundart, die Berührungspunkte mit dem Tatarischen und Russischen aufweist, ist von großem sprachwissenschaftlichen Interesse. 3. Die von mir mit V. aufgenommenen Texte sind von der Aufnahme durch Frage und Antwort in russischer Sprache festgelegt und mir einige Male von V. zusammenhängend erzählt worden. 4. V. kann nicht singen. «Die jungen Leute singen bei uns nicht oder singen sehr wenig. Die Alten sangen und singen noch». Liedertexte od. Texte der Gebete konnte V. mir aus dem Gedächtnis in vollständiger Form nicht sagen. "Der Molla sagt die Gebete vor. Wenn wir	1. А Вакитов – рядовой 11-й роты 49-го Сибирского стрелкового полка. В Дёберитце он размещен в 3-м бараке. 2. Вакитов принадлежит к так называемым луговым мари и стоит в близких отношениях с тептярами (башкирами). Его разговорный диалект, обнаруживающий соприкосновение с татарским и русским населением, представляет чрезвычайно большой лингвистический (научный) интерес. 3. Тексты получены мной от Вакитова путем вопросов и ответов на русском языке, а затем несколько раз повторены Вакитовым связно. 4. Вакитов петь не может. «Молодые люди у нас не поют или поют очень мало. Старики пели и еще поют». Тексты песен или молитв Вакитов не мог передать мне в полной форме. «Прежде мулла произносит молитву. Если мы приносим

ein Tier zum Opfer bringen, beten wir im Walde auf einer durch Pfahlzaun umzäunten Platz, wenn wir auf freiem Platz beten, dann backen wir Brote (Pfannkuchen лепешка – Gepjoški) und tragen sie zur Gebetsstelle hinaus."

5. Bei der Feststellung der Einzelheiten im Text hat Bajramov mitgeholfen.

Zuschrift am 16.1.1916.

Vakitov kann singen. Er hat inzwischen Vertrauen zu mir gefasst und hat sich heute bereit erklärt, tscheremissische Lieder zu singen.

Zuschrift am 23. sten Jan. 1916.

Heute sind von mir mit Vakitov drei anscheinend unbekannte Lieder aufgezeichnet und die Texte von 9 tscheremissischen Liedern aus dem Buch von Aptriev (Sammlung tscheremissischer Lieder. Kasan. 1908) festgelegt worden.

Zuschrift am 27. Jan. 1916

Heute hat Vakitov 12 kleine Lieder in den Apparat gesungen und ein Märchen hineingesprochen.

в жертву животное, мы молимся в лесу на отгороженном изгородью (столбами) месте; если мы молимся на свободном месте, то мы выпекаем хлеба (блинчики, лепешки) и их выносим из молельного места».

5. При уточнении подробностей текстов нам помог Байрамов.

Записано 16.01.1916.

Вакитов может петь. Между тем, он проникся доверием ко мне и объявил о готовности сегодня спеть мне черемисские песни.

Записано 23 января 1916.

Сегодня мной были записаны от Вакитова 3, по-видимому, неизвестные песни и тексты 9 черемисских песен из книги Аптриева (Сборник черемисских песен. Казань, 1908).

Записано 27 января 1916.

Сегодня Вакитов спел на аппарат 12 небольших песен и рассказал одну сказку.

Получив фоновалики, мы, в первую очередь, прослушали записи, пролежавшие в фонограммархивах Берлина без малого 100 лет, тем не менее уцелевшие даже в страшные годы кровавой войны 1941–1945 годов, когда город подвергся массовой бомбардировке союзных войск.

Зная несовершенство фонографов системы Эдисона (хотя в те годы эти «чудо-машины» были «вёрхом» технического совершенства!), мы были поражены сохранностью валиков и качеством их звучания!

Проведя не столь уж и сложную работу по дешифровке звучащих образцов, взялись за тщательное изучение анкет информаторов.

Вначале внесем некоторые коррективы в сказанное выше К. Четкаревым: записи от военнопленных-мари осуществлялись в 1915–1918 годы. Всего было 10 «вызовов»: первая запись датирована 29.12.1915 года от А. Вакитова и С. Байрамова, последняя – 7.08.1918 года от Г. Рыбакова и Ишманова. В первый раз (29 и 30.12.1915 года) Абдуллай Вакитов выступил в качестве информатора разговорных жанров – он продиктовал на фонограф историю своей жизни и сказывал сказку; 27.01.1916 года – исполнил 4 песни. График записей был составлен «полагерно»: каждому из 6 лагерей был отведен определенный день (приведем отрывок):

Даты записей	Фамилии информаторов	Жанры	Лагерь
29.12.1915	Вакитов А. Байрамов С.	Рассказ о своей жизни	Döberitz
23.03.1917	Ирдуванов Ф. Ирдуганов Н. Исенбаев М. Муликбаев К. Сайнашев М. Терентьев	2 песни. Читает текст по книге. Молитва. Читает рассказ. 3 песни. 3 песни. Читает стих. Читает рассказ.	Münster
16.02.1918	Данилов Л. Плотников П.	Читает сказку. Счет. Читает рассказ. Слова	Chemnitz

Нам было небезынтересно узнать: какова судьба этих военнопленных, кто из них вернулся домой, остались ли у них родные, близкие (дети, внуки), кто, быть может, помнит о них и т. д.

Надеяться, что все военнопленные вернулись из плена, было бы наивно, хотя мы знаем, что такое случилось.

Первое наше посещение – деревня Яшмаково Медведевского района, откуда, судя по «персональному листку», был один из информаторов, *Коротков Прокопий* (Пронька, как добавлено в скобках – как оказалось, так его звали в деревне).

Наш «рейд» в чем-то удался: мы выяснили, что у Проньки был брат, Алексей Егорович (таким образом, мы выяснили и отчество Прокопия, так как в лагерном документе оно отсутствовало), что у Алексея был сын Дмитрий (1930–2005), а у Дмитрия – 6 детей (4 парней и 2 девочки), все здравствующие в настоящее время. Но самое главное – мы узнали, что Пронька вернулся из плена, у него родились 2 сына – Василий и Григорий, у которых также остались дети. Таким образом, родовое древо Коротковых – Прокофия и Алексея – разрастается их детьми (сыновьями-дочерьми) и внуками.

Вернулись из немецкого плена и два уроженца деревни Марий Суксо (Йӱштӧ Памаш) Актанышского района Республики Татарстан – Георгиевский кавалер Николай Ирдуганов и Минликай Исанбаев (на «Персональном листке» – Мимликай Исенбаев), содержащиеся в лагере Münster. Трагической оказалась судьба двух других земляков Николая Ильича: унтер-офицер Давлетбай Яманов погиб еще в августе 1914 года, а Ульян Ахмадеев пропал без вести в феврале 1915 года.

Благодаря усилиям Валерия Минлигареевича Ахмедзянова, учителя средней школы деревни Марий Суксо, а также Александра Николаевича Ирдуганова и его невестки, Елены Тимеряновны, нам удалось установить довольно интересную биографию Николая Ильича Ирдуганова. Николай Ирдуганов в плену находился 4 года, но в нем он числился лишь номинально. На самом деле он работал в хозяйстве у одного богатого немца. Хозяин своим работником был очень доволен, поэтому, когда было получено «разрешение на возвращение военнопленных на родину, хозяева просили Николая остаться у них, расставаясь с ним, плакали, ибо он был хорошим работником».

Действительно, Николай Ильич был мастером «на все руки», человеком богатырского телосложения («прямая противоположность мне», – улыбаясь, говорил его сын Александр).

После возвращения на Родину Николай Ильич женился, построил ветряную мельницу, соорудил прекрасную усадьбу – сарай, склад, красивый дом – завел лошадь. Однако судьба со всем этим нажитым распорядилась весьма сурово. Жена его, Гульбика, была против вступления в создаваемый в те годы колхоз. Это было началом большой беды. Николай Ирдуганов попал в «список богатых людей села» и подлежал раскулачиванию. Но Николаю Ильичу зачли его пребывание в плену и привычную в те годы Сибирь заменили ссылкой в Марий Эл.

Его хозяйство было «национализировано»: сарай и лошадь забрали в колхоз, дом продали. Так что к моменту возвращения из ссылки в родные края у него не было ничего. После появления Указа о создании населенного пункта «Киров» в Актанышском районе и получения разрешения поселиться в своей деревне Николай Ирдуганов обосновался и начал с постройки жилья: вырыл землянку, обустроил ее, завел скотину. Вскоре построил дом, однако из-за шалости дочери

он сгорел. Вновь построил! По воспоминаниям, он был очень трудолюбивым и добросовестным! В то время в колхозе выращивали коноплю – прекрасный «полипродукт»: из ее семян получали масло, жмых (пищевой продукт), а также материал для изготовления канатов. После выборки семян тростник помещали в реку для вымачивания («сгнивания»), как принято называть этот процесс в народе). Во время извлечения осенью из воды готового материала Николай сильно простудился и в ту же ночь скончался. Это случилось в 1954 году.

Пребывание в немецком плену не прошло для Николая бесследно: кроме прекрасной хозяйственной выучки, он неплохо усвоил и немецкий язык – в годы учебы сына Александра в школе помогал ему по этому предмету.

Николай, по воспоминаниям, очень любил петь. У него был густой низкий голос с красивым тембром. Может, это от своей матери? Ведь неслучайно ее нарекли поэтическим именем «Сандугач (по-татарски “соловей”»)»!

Николай Ильич Ирдуганов вырастил троих детей: Ташбику (1926–2001), Лизу (1928–2005) и Александра (1930–2010). На сегодня уточненная родословная, восходящая к 1722 году, насчитывает не одну сотню представителей этого рода, а продолжает его (по мужской линии) шестимесячный Радмир, праправнук Георгиевского Кавалера Николая Ильича.

Сведения же о земляке Николая Ирдуганова, Минликае Исанбаеве, пока что весьма неполные. Известно, что он был искусным мастером сочинять песни (скорее всего – тексты), любил петь под скрипку. Вернувшись после войны в родное село, он испытал все «прелести» бытия: колчаковский набор, коллективизацию. Умер в 1926 году. Был женат на Сагиде Тимеркаевой и вырастил пятерых детей: Сахибу, Минлихана, Минлебику, Гульбику и Тимерхана (1920–1997). Тимерхан проходил срочную службу в Белоруссии, с первых дней Великой Отечественной вступил в войну. Вернулся инвалидом и начал работу ветеринаром в колхозе. Когда в соседней татарской деревне пали 4 лошади, Тимерхан был обвинен в гибели животных и посажен в тюрьму. После освобождения он не стал возвращаться в свое село. Остался в д. Кожласола близ Йошкар-Олы, куда в свое время, спасаясь от коллективизации, уехал его тесть Арслан Миляев и где проживали его жена Бика с детьми Анатолием и Маргаритой. Последнее пристанище нашел Тимерхан у своего сына Анатолия в Ижевске.

Трагичной оказалась судьба другого информатора, Петра Плотникова из деревни Ошурга ныне Медведевского района Республики Марий Эл. Наши поиски были также результативными: Петр Михайлович Плотников вернулся из плена. В 1918 году у него родились первые сыновья Сергей и Григорий. Однако в страшные 1930-е годы Петр Михайлович был репрессирован, расстрелян. Оказалось, что Петр Плотников был обвинен в антисоветской пропаганде [3, с. 149]. В книге «Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» кратко сообщается: «Плотников Петр Михайлович, 1884 г. р., уроженец д. Ошурга Медведевского района Марийской АССР, мари, крестьянин, репрессирован 05.08.1937, расстрелян» [4, с. 209]. Каких-либо дополнительных данных в этом специфическом издании нет, поэтому нами был послан официальный запрос в республиканские органы УФСБ России о разрешении допуска в архивы с целью ознакомления с делом Петра Михайловича и уточнения его биографических данных. Из полученного ответа из УФСБ России по Республике Марий Эл мы узнали, что Петра Плотникова арестовывали неоднократно: в 1931, 1933, 1936

(сбежал из ссылки) и 1937 годах. Но главное – факт его пребывания в плену подтвердился: «Из анкеты арестованного от 5 февраля 1933 года усматривается, что он служил в старой армии музыкантом, а в период с начала войны до февральской революции находился в плену в Германии три с половиной года»¹.

И еще удивительные судьбы двух братьев Даниловых из деревни Данилкино Волжского района Республики Марий Эл: Илларион (Ларивон) Павлович и его брат Егор содержались в лагере Chemnitz 4 года (1914–1918). Но самое интересное в том, что Илларион привез с собой уникальный документ – фотоальбом о жизни военнопленных одного из многочисленных лагерей на территории кайзеровской Германии².

Быть может, нет ничего удивительного в издании подобных альбомов (пусть даже с изображениями лагерной жизни). Удивительное и... неожиданное в том, что подобные буклеты были розданы (или разрешалось брать с собой) всем обитателям лагерей, когда они были распущены «по домам» (это случилось в 1918 году). Этот альбом бережно сохранили до наших дней его близкие – жена Анна, внук Владимир.

Смотришь на этот необычный альбом и невольно сравниваешь лагерь военнопленных двух мировых войн – 1914 года и той, что принято называть Великой Отечественной. Никакого сравнения! Пусть в представленном альбоме лагерная жизнь кажется нам несколько идиллической, тем не менее... Разве можно представить гитлеровские лагеря с нормальными кроватями и чистыми на них постелями да еще и с банями, или занятия физической культурой и медицинские осмотры? Наконец, со своим камерным оркестром и его выступлениями!

На одной из фотографий этого альбома запечатлен и сам Илларион Данилов (на переднем плане – с черпаком).

Фотография из альбома Иллариона Данилова

¹ Из ответа УФСБ России по Республике Марий Эл от 14.08.2007, № 1896.

² Нами подготовлен к переизданию этот необычный документ.

Мы знаем из воспоминаний самих военнопленных (Н. Ирдуганова, А. Вакитова и других), что лагерная жизнь в Германии научила их многому – различным профессиям (строительным – в первую очередь) и умелому ведению хозяйства. Изоляция от военных действий позволила трудолюбивым от природы нашим дедам и отцам стать мастерами «на все руки». Так, Илларион Павлович Данилов уже после возвращения в родные края был награжден (среди прочих многих наград) высшей наградой республики, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР – «За выдающиеся заслуги в области заготовок животноводческого сырья».

Владимир Николаевич Громов, внук Иллариона, назвал имена дочерей Егора, брата Иллариона – Прасковьи (Пачук) и Валентины (1933 и 1944 годов рождения). И завертелось вновь колесо воспоминаний, пошла новая волна поисков, появилось множество новых, совершенно неожиданных сведений об этом удивительном «клане» Даниловых из Данилкино. Перед нами раскрылась более точная, полная и, надеемся, наиболее правдивая история (ну как тут не назовешь, «похождений») Иллариона и Егора Даниловых и его земляков! А она, эта история, такова.

К сожалению, доподлинно неизвестно, как Илларион и Егор попали в плен – они не любили об этом рассказывать, но, как правило, чаще всего в плен попадали в результате окружения. В плену, в лагере Chemnitz, они числились лишь номинально (как известно, согласно ст. 1 вышеприведенной Женевской Конвенции, они могли находиться «в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы»). Так, братья Даниловы оказались в имении немецкого барона. Кем они работали вначале, нет сведений, но вскоре Егор был назначен управляющим имения. Для этого нужны были, думается, довольно веские доводы. Надо полагать, братья работали на совесть, грамотно и преуспели в этом, иначе как барон (!), немец (!) мог позволить пленному солдату Егору сблизиться со своей дочерью?! А дело именно так и было!

Фотография, сделанная перед венчанием (а цветок в руках у девушки – это основной атрибут невесты), – тому подтверждение! Но... бракосочетание не состоялось. Препятствием стали, как объяснял позже Егор, конфессиональные различия молодых: согласный ранее на смену религии, Егор позже (перед алтарем!) передумал. Но, по его словам, у него в Германии остался сын Ганс. По этому поводу интересны воспоминания Валентины Егоровны Анисимовой, дочери Егора Павловича Данилова: «Это было 15 февраля 1999 года в небольшой церквушке в Парке культуры и отдыха, что в центре города Йошкар-Олы. Я готовилась войти в церковь. Смотрю: оттуда выходит солидный мужчина высокого роста. Одет он был не «по-нашему» элегантно. Подошел ко мне. Мне показалось даже, что он меня подждал. Приблизился, протянул деньги, сказал: «Bitte», и удалился. Я не могла вначале сообразить, что к чему, лишь позже догадалась, что это он сказал мне по-немецки. Вот я и думаю: возможно, это был тот самый Ганс, может быть, он навел каким-то образом справки о детях Егора, приехал к нам, посмотрел, увидел и... Вот такая история приключилась со мной», – задумчиво закончила свой рассказ Валентина Егоровна.

Мог ли быть тот предполагаемый немец действительно сыном Егора? Если допустить, что этот самый Ганс родился где-то в промежутке 1918–1919 годов, то вполне вероятно, что в 1999 году ему было около 80 лет. Впрочем, тот незнакомец мог быть и внуком Егора. Да что теперь гадать? История поросла былью...

На снимке (слева направо):
младший из четырех братьев Дмитрий (1891–?), Илларион (1885–1971),
Егор (1887–1970). К этому времени не оказалось в живых Бориса (1889–1943,
погиб в годы Великой Отечественной войны)

Новое поколение Даниловых из Данилкино продолжает славные трудовые традиции своих отцов и дедов. А есть что продолжить!

Род Даниловых считался в округе одним из самых состоятельных и трудолюбивых – Даниловы в своем хозяйстве трудились сами, не привлекая сторонних крестьян (то есть кулаками не были!), к тому же в годы коллективного хозяйствования по праву считались образцовыми пчеловодами колхозной пасеки. Быть может, поэтому в суровые 1930-е годы прошлого столетия жернова страшных трагедий обошли этот трудолюбивый род.

Валентина Егоровна предполагает, что репрессии могли обойти Даниловых и потому, что ее мать, жена Егора, работала главным бухгалтером колхоза, а это в то время – какая-никакая власть! Может быть, может быть, но судьба и на этот раз оказалась благосклонной к этому роду.

О трудолюбии марийских военнопленных (в данном случае мы ведем речь именно о них, марийских солдатах, хотя подобное наверняка применимо и по отношению к другим пленным), об их хозяйственной хватке свидетельствуют многочисленные факты желаний немецких баронов-хозяев оставить их на работе и после их освобождения в результате мирного соглашения воюющих сторон. Об этом же, а также и о соблюдении условий Женевской конвенции 1907 года (в частности п. 7) свидетельствует и следующая, нами еще, к сожалению, до конца не распутанная история с Купаевым Мироном Герасимовичем из деревни Атиаз Елабужского района Республики Татарстан. По данным, полученным нами от директора

Куклюкской средней школы Мельникова Ивана Николаевича и учащейся Вероники Филипповой, Мирон Купаев (1882 года рождения) в немецком плену пробыл с 1914 по 1918 год. Перед возвращением на родину хозяин «за хорошую работу предлагал ему деньги, но Мирон попросил, чтобы ему прислали молотилку. Немец выполнил просьбу Мирона и прислал желанную машину... Мирон в колхоз не вступил, был единоличником. Молотил зерно крестьянам, стал богатым человеком, за что и был раскулачен».

Сколько было пленных – столько же и судеб... Печальных, суровых...

В поисках вернувшихся из плена военнопленных, в уточнениях их дальнейших судеб приняли активное участие многие земляки разыскиваемых солдат. Так, Саликай Илинбаевич Кугубаев из д. Норкино Калтасинского района Башкирии с помощью «престарелой бабушки, которая помнит Абдуллая Вакитова и историю его семьи»¹, помог нам установить многие биографические детали из «послепленовской» жизни своего земляка. «После освобождения (Абдуллай Вакитов) вернулся в д. Норкино. Жена Амось ждала его с сыном Апалаем и дочкой Саликой... Жили отдельным хозяйством. Он лечил животных, домашнюю скотину у односельчан. С образованием колхоза в 1930 году в числе первых вступил в колхоз «Верхнее Норкино». В колхозе работал ветеринарным врачом до преклонного возраста. Был добрый, великодушный, в деревне уважаемый человек. До сих пор в д. Норкино вспоминают о нем как о хорошем человеке»².

Судьба «сводила» Абдуллая Вакитова с Германией еще неоднократно: его сын, Апалай (1913 г. р.), сгорел в танке от прямого попадания вражеского снаряда во время одного из боев с противником в годы Великой Отечественной войны; его внук, Георгий (1940 г. р.), служил в рядах Советской Армии также в Германии... Но самым неожиданным для нас в полученном нами письме оказалось известие – «Абдуллай говорил, что у него осталась в Германии жена»³. Наше обращение к немецким коллегам с просьбой уточнить этот щекотливый вопрос пока осталось без ответа.

Необычно сложилась судьба «солагерника» А. Вакитова, Салия Байрамова (1888–1972), из деревни Шопкер (Уразбаево, что в Караидельском районе Республики Башкортостан).

Со слов самого Салия мы знаем: призван в армию в 1914 году, попал в плен, откуда бежал четыре раза. В четвертый раз Салий и его трое друзей прятались в пасеке – сидели в ульях. При приближении немецких солдат, ищущих беглецов, трое побежали, но были застрелены солдатами. Салий не выходил из улья и просидел, пока не миновала опасность. Возвращался домой долго, шел лесами и там же прятался. Вернулся домой только в 1919 году. По возвращении домой работал в колхозе конюхом. Имел два дома. Хорошо знал немецкий язык, этому языку он учил деревенских ребят.

¹ Из письма А. И. Гариповой (из личного архива автора).

² Там же.

³ Там же.

Салий в кругу семьи: сын Андрей и сноха, внучки Тамара и Таня, внук Егор (ныне и сам дедушка)

На сегодняшний день его родословное древо (надо полагать, далеко не полное), составленное правнучкой Салия, Кристиной Искаковой, насчитывает 8 колен и составляет 64 человека.

По мере подготовки данной статьи мы получали ответы на заранее присланные запросы относительно судеб военнопленных. Одно из писем пришло из д. Чормак (Еноктаево) Краснокамского района Башкирии, откуда родом был Георгиевский кавалер Шамкай Шуматов.

Внук Шамкай, Геннадий Павлович (1949 г. р.), кратко описал историю своего деда. Она такова: дедушка служил в царской армии ординарцем. Во время выполнения задания он в какой-то деревне попал в засаду. Его окружили и хотели поднять на штыки, но в последний момент германский офицер, видя на груди солдата Георгиевский крест и подумав, что не простой попался солдат, не дал расправиться с ним. Его стащили с коня, содрали крест. Так он попал в германский плен... Шамкай Шуматов содержался в лагере Giessen вместе со своим земляком Кусюкбаем Пайзулиным из д. Маликульсетово, судьба которого на данный момент нами еще не уточнена.

Во время работы над текстом статьи было несколько телефонных звонков из Республики Башкортостан. Звонившие предлагали свою помощь и с удовольствием рассказывали об известных им фактах нахождения своих земляков в немецких лагерях военнопленных в годы Первой мировой войны. Мы с радостью встретились с ними и дополнили свое издание их данными, хотя они прямого отношения к музыкальной части нашего проекта и не имеют, однако...

В этом плане безусловный интерес представляет еще один Георгиевский кавалер, офицер артиллерии Мандиев Яндемир (Яндемыр) Мандиевич (1884–1945) из д. Пайдара Мишкинского района (на снимке – справа). Со слов его внука, Яндемирова Владислава Яковлевича (1952 г. р.), Яндемир призван в армию в 1914 году. Дома остались трое детей. На фронте командовал взводом, отбил три атаки противника, за что и был представлен к Георгиевскому кресту. В плену, по его словам, им жилось несладко. Легче стало, когда их «определили» к немецкому фермеру,

где он стал управляющим свинофермой. В его распоряжении было 6 воннопленных (в их числе – три солдата-мари). Работой управляющего фермер был очень доволен, поэтому, когда в 1920 году стали обмениваться военнопленными, фермер предложил Яндемиру остаться у него на службе, согласился даже на брак со своей дочерью Магдаленой. По словам самого Яндемира, и он не прочь был остаться в Германии, однако, по разрядке он попал в список солдат, подлежащих обмену.

«Мой дедушка, – продолжает свое повествование внук Яндемира, – был действительно работающим! К примеру, еще в годы Столыпинской реформы проявились его организаторские способности: так, получив недалеко от Мишкино 6 гектаров земли, организовал там настоящее опытное хозяйство, получив невиданный доселе урожай пшеницы!».

После плена Яндемиру предлагали в колхозе должность председателя, но он отказался, заявив прямо: «Я не согласен с этой властью». Построил себе дом, приобрел молотилку, но вскоре его раскулачили. Вынужден был жить в землянке, но вскоре вновь построил дом. Его продолжали агитировать вступить в колхоз. Однако он был непреклонен. Лишь однажды, в один из сеноуборочных сезонов, он согласился возглавить заготовительную бригаду в своей деревне. Вновь воспоминания Владислава Яковлевича: «В 4 часа утра сельчане уже косили. И так до 11 часов. С 11 до 16 часов он давал людям отдых (ну, кто отдыхал, кто и по дому хлопотал), а с 16 до 23 часов – вновь сенокос! В других деревнях только-только начинают шевелиться, а у Яндемира в деревне сено уже заготовлено!».

На снимке справа – Яндемир

Ввиду того, что Яндемир хорошо знал немецкий язык, его приглашали и в школу вести уроки немецкого.

И еще небольшой рассказ о печальной судьбе восточномарийского солдата, также оказавшегося в немецком плену, но не вернувшегося оттуда. Его нам поведал Кугубаев Сергей Ябаевич (1928 г. р.): «Апкалипов Апкадыр Апкалипович (1883, 85–??) был в плену. Когда пленных стали отправлять на родину, Апкадыр отказался возвращаться, заявив своим друзьям: “Я не могу поехать, меня могут наказать”. Он так и остался жить в Германии, работал на ферме... Судьба Апкадыра до сих пор не ясна» – грустно подытоживает свой рассказ Сергей Ябаевич.

* * *

Несмотря на почти вековой срок нахождения на архивных полках восковых валиков, чрезвычайно хрупких для хранения (магнитные ленты, как известно, через 15–20 лет хранения уже размагничиваются), голоса информаторов – певцов и рассказчиков – прослушиваются достаточно внятно.

То, что песни из марийской коллекции немецких лагерей действительно уникальны, нет ни малейшего сомнения. Дело даже не в том, что они хранятся в бердинском архиве. Они – неповторимы! Подобных не оказалось (за исключением 1–2 образцов) ни в одной из известных нам публикаций. Представленные песни – образцы удивительного мелодического богатства песенного фольклора наших предков. По достоинству их оценить – дело (надеемся, недалекого) будущего.

По-своему необычны и два последних образца данной коллекции.

Мы хорошо знаем о таком интересном явлении, как исполнение песен экспромтом – сочинить (особенно тексты) «с ходу». Иногда эти новые тексты появляются на известные (возможно, частично видоизмененные) напевы, но исполнить песню на тут же «сочиненный» (придуманый, причем прозаический) текст на свой придуманный напев – думается, дело не из простых. После исполнения этой самой «песни» ее «автор», Павел Алексеев (1890 года рождения) из деревни Тыгыде Морко, продиктовал на фоновалик и прозаический текст своего произведения. Вот он (мы сохранили произношение П. Алексеева без изменения):

Эрла кайна олашке шў ден. Шўжым ужалена шым те%огелан. Тушто налына аракам. Аракаж ден кайна ўдыр ончаи. ^{ТМ}дыржым налына сўанмарий дене. Тый лият сагуи. Талнет пуэм вич солыкым. Вара кайна ончыл йўаиш. Ончыл йўын толмек, возына малаиш. Эрдене кынелна да каена чодрашке пу дек. Пуым кондена и пўчкедена, вагышыиш оптена. Вагыжым ужалена шым те%огелан. Вара нална кемым. Кемжым чиена пайремлан.

(Завтра едем в город с углем. Уголь продадим за семь рублей. Там купим водку. С водкой идем сватать девушку. Девушку увезем с (настоящей) свадьбой. Ты будешь дружкой. Тебе дам пять платков. Потом едем на послесвадебный пир. Возвратившись с пира, ляжем спать. Утром встанем и идем в лес за дровами. Дрова привезем и спилим, сложим в дровяник. Дрова продадим за семь рублей. Потом купим сапоги. (А) в сапоги обуемся на праздник).

* * *

...Вчитываешься в строки текстов песен, вслушиваешься в звучание напевов, вдумываешься...

Трудно представить, что происходило в душах «певцов», когда они пропева-ли, казалось бы, заурядные в обыденной обстановке тексты. Так, чувства желания повидаться с родными и близкими, столь понятные и вполне «сносные» для гостевых песен, в исполнении оторванных от родного края пленных звучат в совершенной иной окраске:

Яманча курык – тура курык,
Ноялына гынат, кўзал(ы)на.
Ноялына гынат, ой кўзал(ы)на,

Гора Яманча – высокая.
Хотя и устаем – поднимаемся.
Хотя устаем – поднимаемся,

Сагынена гынат, илена.

Хотя и соскучились – живем (терпим).

Или же другой текст

Арка дене арка иктат о(к) лий –
Пүкшермыже-лай аркажлан мо шужо?
Элже дене элже икте огеш лий –
Шочмо-кушмо эллан мо шужо?

Пригорок на (другой) пригорок не похож,
Что есть лучше орешникового пригорка?
Страна на страну не бывает похожей –
Что есть лучше своей родной страны?

Аналогичен трагизм положения и в тексте другой песни. Являющийся «принадлежностью» более всего свадебной песни (невесты) или (реже) рекрутской, текст данной песни полон безысходности положения, в котором оказался военнопленный:

Шочылденат-кушмашна, ай ик вере,
Эртал кая ўмырна вес вере.

Родились-выросли на одном месте,
Жизнь проходит – на другом.

То, что в лагере военнопленным все же жилось не так уж и сладко, как это документировано в фотоальбоме Kriegsgefangenenlager Chemnitz, можно догадываться и потому, что из этой «тихой обители» не раз совершались побеги, за что многие поплатились даже своей жизнью. Убеждаемся в этом, послушав признания самих военнопленных. Так, Егор Данилов из д. Малые Шапы (что недалеко от Йошкар-Олы) говорит (диалектный говор Данилова сохраняем без коррекции):

«...Пеш кугу ойго лийын кайыш: ... немыч-шамыч мемнам кидышкышт поген налеве. Те паледа чылан – кузе илена. Пеш йосланена. Илаш йосо, кудынажат пеш мўндўрне. Ныл ий е%о кидыште, а ончыкыжо мо лиеш Кугу Юмо пала...»

(«Случилось большое несчастье: ...немцы забрали нас в свои руки. Вы все понимаете, как мы живем. Очень страдаем. Жить тяжело, дом наш далек. Четыре года в чужих руках, а что будет впредь – знает Великий Бог»).

Но... то, что хотя бы они остались живы в этой страшной военной «мясорубке», ими воспринимается как благо:

Ай-ай, ракмат Ош Юмылан
Вуйна эсен коштмылан.

Ой, спасибо Богу,
(Хотя бы) головы сохранились.

Вернутся ли они из плена домой – им неизвестно. Не потому ли слышны в их повествовании некий оптимизм и надежда на свое бессмертие (хотя бы в памяти потомков!):

Лышташыже войзылден, мланде о лий,
Немнан лўмна талада мi%ог(ы) кодеш.

Листья опадут, не станут землей,
(А) наши имена вам останутся навеки.

* * *

Предстоит, очевидно, еще долгая и кропотливая работа по уточнению судеб военнопленных, информаторов этой необычной экспедиции. С надеждой получить недостающие сведения мы предлагаем вниманию читателей (по их «персональным листкам») сводную таблицу информаторов (фамилии военнопленных, чьи судьбы на сегодняшний день оказались в какой-то степени выясненными, выделены):

№	Фамилии в/пленных	Возраст	Место рождения	Лагерь, где содержался
1	Алексеев Павел	1891	д. Тыгыде Морко Моркинского района РМЭ	Münster
2	Байрамов Салли	1888	д. Шопкер (Орзаево – Уразаево) Кара-идельского р-на Башкирии	Döberitz
3	Вакитов Абдуллай	1883	д. Норкино (Морко) Бирского уезда (мать – Урья = Орья, 25 км от Норкино)	Döberitz
4	Данилов Ларион	1886	д. Данилкино (ок. Учейкино) Волжского района	Chemnitz
5	Дмитриев Алексей	1885	д. Шелангер Звениговского района	Puchheim
6	Егоров Данил	1888	д. Малые Шапы Медведевского района	Chemnitz
7	Ирдуванов Федор	1881	д. Актajusch (Кумья, Kulhschara) Килемарского района	Münster
8	Ирдуганов Николай	1886	д. Марий Суксо Актанышского района Татарии	Münster
9	Исенбаев Мимликай	1893	д. Марий Суксо Актанышского района Татарии	Münster
10	<i>Ишманов</i>		<i>Данных нет</i>	Merseburg
11	Коротков Прокофий	1884	д. Яшмаково Медведевского района	Chemnitz
12	Муликбаев Кўти	1883	д. Бугалыш Красноуфимского района Свердловской области	Münster
13	<i>Мурыгин</i>		<i>Данных нет</i>	?
14	Пайзулин Кусйўкпай	1885	д. Malükulsetowo, Бирск, Сарапул (Актуганово – мать)	Giessen
15	Плотников Петр	1887	д. Мало Ошурга Медведевского района	Chemnitz
16	Рыбаков Гаврил	1873	д. Вончедўр (мать – Такерово) Моркинского района	Merseburg
17	Сайнашев Маникай	1894	д. Тынбаево Бирского уезда Башкирии	Münster
18	<i>Терентьев</i>		<i>Данных нет</i>	?
19	Шуматов Шамкай	1891	д. Чормак (Еноктаево) Краснокамского района Башкирии	Giessen

* * *

Во время работы над изданием нам постоянно поступали письма и различного рода сообщения об участниках Первой мировой войны. Думается, появится еще немало новых сведений и о военнопленных той войны – внуки и правнуки, новые поколения все чаще стали заинтересованно разматывать свои семейные клубки,

составлять семейные древа. Так, внуки и правнуки одного из них дали нам весточку о своем пращуре. Им оказался Игнатий Фомич Васильев (1880–1966) из деревни Ямаслонго (Нижний Выселок), ныне входящей как Заречная улица в состав деревни Элнет (Ильнеть) Менделеевского района Республики Татарстан.

Игнатий Фомич находился в немецком плену вместе с жителем соседней (находящейся на территории Удмуртии) деревни Кугу Йырсе (Большая Ерыкса) Семеном Тимковым, сведений о котором пока что ничтожно мало.

Игнатий Фомич после плена вернулся в свою деревню, трудился в кузнице. Было у него трое детей – двое сыновей, Егор и Очани (Александр) и дочь, Орика (Ирина).

А о Семене Тимкове можно пока что сообщить лишь то, что его сын, Николай Семенович (1918–2000), преподавал математику в Ильнетской средней школе, а затем был и ее директором, оставил о себе прекрасную память в своих учениках и жителях окрестных деревень.

* * *

Подготовка данной публикации, небольшой по издательскому объему, но не таковой по фактически содержащейся в ней информации, невозможна была бы усилиями лишь одного ее составителя.

Искренние слова благодарности мы выражаем знакомым и незнакомым своим коллегам, охотно откликнувшимся на наше обращение с просьбой помочь установить мало- и неизвестные страницы биографий вернувшихся из немецкого плена военнопленных-мари. И действительно, их помощь оказалась чрезвычайно важной, своевременной.

Помещаем одну из свадебных песен в исполнении Абдуллая Вакитова (с полным паспортом):

Кичкалме имньына – Юмын йорга...

Кичкалме имньына – Юмын йорга, Руалалме пўгына – сонарпыл ¹ , Руалалме пўгына – сонарпыл.	Наши лошади – божьи жеребцы, Наши дуги – радуги, Наши дуги – радуги.
Чиялме вургемна – Юмын сиські, Ышке улына кавасе мўкшава, Ышке улына кавасе мўкшава.	Наша одежда – Божьи цветы, А сами мы – небесные пчелиные матки, А сами мы – небесные пчелиные матки.
Ай, мурена гын, иямле йўк йомеш, Она мурал гын, изе шўм йўлалеш.	Если будем петь, голоса пропадут, А не будем петь – сердце болит.
Корнынат, корнынат корнынаже – Локама-лай сиськіже пеледеш, Локама-лай сиськіже пеледеш.	Вдоль наших дорог Цветет шиповник, Цветет шиповник.
Ият-лай, пеледеш и велалтеш – Эртал кая сиська-лай пагытна, Эртал кая сиська-лай пагытна.	Год цветут да рассыпятся, Проходят наши цветущие года, Проходят наши цветущие года.
Ай, мурена гын, иямле йўк йомеш, Она мурал гын, изе шўм йўлалеш.	Если будем петь, голоса пропадут, А не будем петь – сердце болит.

¹ Сонарпыл (вост. диал.) – шонанпыл.

Кич - кал - ме им - ны-на-Ю - мын йор - га,

ру - а - лал - ме пү - ғы-на - со - нар - ыл.

Ру - а - лал - ме пү - ғы-на - со - нар - ыл.

Чн - я - л-ме вур - ғем-на-Ю - мын сәсь - ка,

ыш - ке у - лы - на ка - ва - се мўкш - а - ва.

Ыш - ке у - лы - на ка - ва - се мўкш - а - ва.

Лй, му - ре - на ғын, и - ям - ле йўк йо - меп,

о - на му - рал ғын, и - зи шўм йў - ла - леп.

Запись: Deberitz (Doeberitz), 27.01.1916,
1/4 часа после обеда.
Место записи: читальный зал (комната холодная).
Исполнитель: Вакитов Абдулла, 33 года (1883).
Место жительства: д. Норкино.
Ближайший крупный город от места проживания – Сарапул (60 км).
Родина отца – д. Норкино.
Родина матери – д. Урья (25 км от Норкино).
Место хранения – фонограммархив (Берлин).
№ хранения – 00 10 0100.

Библиография

1. Акрет муро = Песни предков. Йошкар-Ола, 2005.
2. Марий калык муро = Марийские народные песни / сост. В. Коукаль. М.; Л., 1951.
3. Сануков. К. VIII. Приказ № 00447: репрессии по разнарядке // Из истории Марий Эл: трагедии 30-х годов. Йошкар-Ола, 2005.
4. Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2004. Т. III.

O. M. Gerasimov

ECHOES OF THE FIRST WORLD... [ECHOES OF THE FIRST WORLD WAR]

Article is devoted to the songs which have been written down in concentration camps of Germany in which contained captured imperial army including representatives of people Mari.

Materials are given by the Record library of Humboldt-University (Berlin).

Keywords: Concentration camp, songs, Mari, a record library of university.